

Сергей Посохов
(Харківський національний університет)

Попечители Харьковского учебного округа XIX – начала XX вв.: состав, деятельность, оценки

В истории дореволюционных российских университетов свою заметную роль играли попечители учебных округов. Впрочем, в историографии эта роль оценивалась и оценивается весьма противоречиво. Особенно, если иметь ввиду характеристики попечителей первой половины XIX века и отношения попечителей с университетами.

Тенденции в историографии. В либеральной историографии конца XIX – начала XX века попечителям уделено немало внимания, можно даже сказать, что влияние попечителей на функционирование университетов в значительной мере преувеличивалось и скорее рассматривалось как негативное¹. Советские историки также негативно, может быть даже еще в большей степени, чем раньше, оценивали роль попечителей в истории университетов, однако, как это ни парадоксально, в этом случае можно говорить скорее о недооценке, поскольку в некоторых работах они просто не упоминались, их имена вычеркивались из истории². Если в дореволюционной историографии исследователи стремились поделить попечителей на «прогрессивных», тех, кто внес свой позитивный вклад в процесс становления и развития университетов (в истории Харьковского университета – это «просвещенный попечитель первого десятилетия граф С. О. Потоцкий»), и тех, которые больше вредили делу («деятели реакции» З. Я. и Е. В. Корнеевы, А. А. Перовский, В. И. Филатьев³), то в советской исторической литературе их всех объединяли как негативных персонажей. Иллюстрацией последнего тезиса служит следующая, весьма характерная для советской историографии второй половины XX в., цитата: «Несмотря на все принимавшиеся меры, несмотря на жестокий режим, попечителям Потоцкому, Карнееву,

¹ *Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905)*, опрас. Д. И. Багаляй, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул, Charków 1906, s. 27.

² W historii Uniwersytetu Charkowskiego przez 175 lat ani razu nie wspomniano żadnego z kuratorów I poł. XIX w.! [przyp.aut.].

³ Д.И. Багаляй, Д. П. Миллер, *Харьковский университет*, [w] *Энциклопедический словарь*, Sankt Petersburg 1903, t. 37, s. 105.

Перовскому и др. не удалось превратить университет в очаг реакции, и это делает честь передовой профессуре и студентам Харьковского университета»⁴.

В 1990-е годы – начале XXI в. произошла значительная эволюция оценок и характеристик как системы университетского управления в целом, так и отдельных ее элементов. Акцент на «внешнем» факторе при изучении университетской автономии остался, однако лишь часть исследователей, наследуя традиции дореволюционной либеральной публицистики и советской историографии, продолжают делать вывод об отрицательной роли государства в развитии системы университетского управления. Во многих современных научных работах, и прежде всего российских авторов, этот „внешний” фактор по отношению к университетам теряет характерные для минувших времен черты враждебности. Заметным является также определенный акцент на персонифицированном подходе, когда переоценка происходит скорее путем переосмысления деятельности конкретных лиц. Произошли изменения (хотя и незначительные) и в отношении к попечителям⁵. Впрочем, по-прежнему ощущается недостаток историзма при анализе управленческих форм, что не позволяет адекватно оценить роль попечителей учебных округов в истории университетов.

Прежде всего, необходимо отойти от вневременных рассуждений о функциях попечителей. Когда историки конца XIX – начала XX века писали о первом попечителе Харьковского учебного округа С. О. Потоцком, они, по сути, старались нарисовать образ идеального попечителя (а М. И. Сухомлинов прямо называл Потоцкого «идеальным попечителем»⁶). Однако в действительности они конструировали образ, который соответствовал настроениям либеральной профессуры того же конца XIX в. Характерной является следующая цитата из работы проф. Д. И. Багалея: «он [Потоцкий] только внимательно следил за органами управления, чтобы они не отступали от устава, разрешал недоразумения, давая советы, но не стараясь вмешиваться в мелочи университетской жизни, суживать университетскую автономию»⁷. Не менее показательны и такие слова: ректор «Кронеберг хотел подражать попечителю Перовскому и выставил на знамени своем принцип «власть идет»»⁸. Как тут не вспомнить точно такое же высказывание М. Н. Каткова середины 1880-х годов, когда был принят «реакционный устав 1884 года»! Иными словами, университетская история для Багалея (и не только) была

⁴ Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет, Charków 1955, s. 55.

⁵ Из специальных работ см.: О. И. Завгородняя, *Формирование правового статуса института попечителей российских университетов в первой половине XIX в. (историко-правовое исследование)*, Moskwa 2006; О. И. Завгородняя, *Попечительство в истории университетов России первой половины XIX века*, Moskwa 2007 i in.

⁶ М. И. Сухомлинов, *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению*, Sankt Petersburg 1889, t. 1, s. 24, 25.

⁷ Д. И. Багалея, *Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам)*, cz. 2, [w] Д. И. Багалій, *Вибрані праці: в 6 т.*, Charków 2005, t. 4, s. 39.

⁸ Там же, s. 270.

способом указать на проблемы их времени, а также продемонстрировать собственную идейную позицию. Такая актуализация исторического материала немало повлияла на трактовки и понимание в том числе и функций попечителей. Однако условия начального этапа в истории российских университетов отличались от конца XIX века, и весьма существенно. Для того чтобы увидеть это, необходимо вникать в детали.

Изучение деятельности попечителей учебных округов невозможно без анализа соответствующих биографических данных: возраста, социального происхождения, уровня образования, материального положения и др. Для примера воспользуемся биографическими данными о попечителях Харьковского учебного округа⁹.

Состав попечителей. За всю историю округа его возглавляло 22 попечителя. Среди них было немало выдающихся лиц, о которых можно было бы говорить отдельно. Однако особенный интерес представляют обобщающие данные. Средняя продолжительность пребывания попечителя на должности составляет приблизительно 5 лет, средний возраст на момент назначения – 53 года. Но это средние показатели. Анализируя биографическую информацию, важно проследить определенные тенденции, заметить отличия, присущие тому или иному периоду. В данном случае выделяются два периода: до и после 1857 г. Первый период характеризуется назначением на должность в большинстве своем представителей аристократии, которые не имели систематического образования, но прошли длительную военную или гражданскую службу. Для некоторых из них это была скорее почетная должность на старости лет (З.Я. Карнеев, Ю.А. Головкин). Обращает на себя внимание и тот факт, что подавляющее большинство из них до назначения на эту должность не имело отношения к системе министерства образования. Таким образом, уже из этих данных понятно, что их функцией виделся общий надзор за ходом процессов в подопечном округе. Это же, на наш взгляд, подтверждает и факт передачи функций попечителя в руки генерал-губернатора (Н.А. Долгорукий, С.А. Кокоскин).

Вторая половина XIX – нач. XX вв. значительно отличается в этом плане. Попечители данного периода в большинстве своем имели высшее образование (чаще университетское), а половина из них – звание профессора. Предшествующая служба, как правило, проходила по линии министерства народного просвещения. Так, П.К. Жерве, Н.П. Воронцов-Вельяминов, М.М. Алексеенко к моменту назначения руководителями Харьковского учебного округа уже выполняли функции попечителя, П.В. Зиновьев и К.К. Фойгт были помощниками попечителя, С.А. Раевский и П.Е. Соколовский были чиновниками министерства народного образования, К.К. Фойгт, М.С. Максимовский, И.П. Хрущов, В.К. Анреп, О.Л. Корольков – доцентами, профессорами, директорами соответствующих учебных

⁹ Patrz: Б. П.Зайцев, С. И., Посохов, *Попечители Харьковского учебного округа*, Charków 2000.

заведений. Общей тенденцией, которая легко прослеживается на основе данных, приводимых С.В. Рождественским¹⁰, является понижение класса попечителей по Табели о рангах. Если в первой половине XIX в. и 70-80-х гг. XIX в. большинство попечителей было в ранге тайного советника, то в 80-90-х гг. XIX в. начинается преобладание действительных статских советников, а в начале XX в. среди них встречаются статские, и даже коллежские советники. Таким образом, девальвация должности составила 3 класса. По рангу попечитель стал на уровень губернской администрации.

Таким образом, нельзя не заметить, как постепенно утверждалось направление на профессионализацию системы управления образованием. Попечитель учебного округа во второй половине XIX, а особенно в начале XX в., скорее выступал в качестве специалиста, который мог не только осуществить общий надзор, но и разрешить конкретные проблемы разнообразной жизни учебных заведений (и это становится понятно, если учесть изменения в региональной образовательной системе, которые произошли за это время; просто количество и разнообразие учебных заведений округа). Общественное же мнение, а затем и историография, придерживались старого образа попечителя – всесильного и одновременно некомпетентного начальника учебных заведений.

Функции попечителя: между законом и реальностью. Собственно, еще при учреждении университетских округов (в 1803 году) «Предварительными правилами народного просвещения» попечителям вменялось в обязанность отвечать за «благоустройство» всех вверенных ему учебных заведений, «пещись об их устройстве и вообще о распространении и успехах народного просвещения», в том числе заботиться об устройстве «своего» университета. В университетском уставе 1804 года роль попечителей определена весьма туманно (параграфы 52, 70 и др.). Но при этом попечитель фигурирует при упоминании о «чрезвычайном»: «обо всяком чрезвычайном и требующем разрешения случае совет доносит попечителю немедленно»¹¹, ректор «по усмотрении какого отступления [от устава] определяет немедленно удобнейшие меры к отвращению оного и представляет об оных попечителю»¹².

В уставе 1835 года есть уже специальный раздел «О попечителе и его помощнике», однако его функции по-прежнему можно трактовать очень широко: «Попечитель употребляет все средства к приведению в цветущее состояние университета, строго наблюдая, чтоб подлежащие к нему места и лица исполняли неупустительно свои обязанности», «в важных, нетерпящих

¹⁰ С. В. Рождественский, *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902*, Sankt Petersburg 1902, s. 482, 605, 705.

¹¹ *Устав Императорского Московского университета*, Moskwa 1804, s. 18.

¹² Там же, s. 63.

отлагательства случаях, попечитель сам собою принимает надлежащие меры...»¹³.

Некоторые историки объясняют эту неопределенность функций исключительно стремлением заранее предопределить право вмешательства попечителя в университетские дела. Однако в данном случае необходимо вспомнить о том, что в соответствии с уставом 1804 года попечители не имели распорядительной власти, не обязаны были даже проживать в университетском городе.

Вообще, говоря о «неусыпном надзоре» нужно помнить об обстоятельствах первой половины XIX века. Многие попечители проживали далеко от Харькова, чаще всего в Петербурге. Уже это определяло их возможности по управлению университетом. Так, попечитель В. И. Филатьев, среди прочего, в своем письме замечал: «От Харькова до Петербурга расстояние велико, почта ходит медленно, в месяц получается ответ»¹⁴. Заметим, что это обстоятельство не помешало Д. И. Багалею о времени С. О. Потоцкого писать следующее: «между попечителем и советом шла правильная, частая и регулярная корреспонденция»¹⁵, и это при том, что Потоцкий с 1810 по 1815 год вообще жил в Польше. Так рождались историографические мифы.

Между тем реальность была иной. Попечитель А. А. Перовский также жил полгода за границей, а потом, с 1826 года, в Харькове более не был, с 1828 года «больше числился на службе, чем служил»¹⁶. Такое положение дел отразилось и в воспоминаниях современников. Так, один из авторов писал о том, что попечитель Е. В. Карнеев «жил в Петербурге и мы его не видели»¹⁷. В. И. Филатьев, который был назначен попечителем Харьковского учебного округа в 1830 году, зафиксировал соответствующий результат в письме в министерство: «Здесь не привыкли к близкому начальству, и многое вкоренилось, как обычай, чего быть не должно»¹⁸. Устав 1835 года обязал попечителей проживать в главном городе округа. Однако попечитель Ю. А. Головкин, назначенный в 1834 году, по-прежнему больше проживал вне Харькова. К тому же в этом случае следует учесть его возраст. Некоторые мемуаристы писали, что ему было 90(!) лет¹⁹, что он был «старец почти слепой», по-русски говорил очень плохо, а делами занимался «номинально», или почти «не занимался делами»²⁰. Еще в октябре 1838 года он получил

¹³ *Общий устав императорских российских университетов*, Charków 1837, s. 16.

¹⁴ Д. И. Багaley, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 176.

¹⁵ Там же, s. 40.

¹⁶ Там же, s. 152; А. И. Кирпичников, Антоний Погорельский (А. А. Перовский), „Исторический вестник” 1890, ks. 10, s. 71.

¹⁷ *Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його викладачів та вихованців*, Charków 2008, t. 1, s. 90.

¹⁸ Д. И. Багaley, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 197.

¹⁹ Rzeczywiście zarządzał okregiem do 75 roku [przyp. aut.].

²⁰ *Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах...*, s. 134, 171, 197, 238, 256, 273.

разрешение министра руководить округом, оставаясь в Одессе, а с марта 1841 года по июль 1843 года находился на лечении за границей. Учитывая эти обстоятельства, в 1842 году министр С. С. Уваров конфиденциально рекомендовал помощнику Головкина в важных случаях обращаться к генерал-губернатору, поскольку попечитель был вне Харькова²¹.

Конечно, «широкий» или «узкий» взгляд на свои функции и полномочия часто зависел от личности попечителя, но также и от других обстоятельств. В частности, выясняя роль попечителей, особенно в первой половине XIX века, следует учитывать законодательную практику Российской империи, когда многие законы являли собой исключение из правила. Таким образом, неопределенность функций попечителей и законодательная практика обусловили «прецедентный» вариант оформления полномочий попечителя, через преодоление тех или иных «происшествий», через казусы, определялись их функции.

Механизм управления также складывался в ходе реализации университетского проекта и образовательных реформ. Попечитель З. Я. Карнеев писал министру А. Н. Голицыну (1817 г.): «Я не знаю и не случалось никогда читать основания университетского и должности попечителя, для чего и прошу снабдить меня от себя нужными этими сведениями». Ответ министра показателен: «...По желанию вашему прилагаю при сем предварительные правила народного просвещения и устав университета к Вашему руководству. Дальнейшие сведения можете найти в университете и в делах предместника Вашего...» (т.е. опираясь на предшествующий опыт)²². Но Устав, как мы знаем, был скорее общей декларацией. Более пространными, чем пункты этих законов, стали частные инструкции попечителям от министров²³. Но и они во многом отличаются неопределенностью. Что касается «предшествовавшего опыта», то освоить его было делом весьма простым. Так, попечитель Перовский целый месяц изучал дела о Харьковском университете в канцелярии своего предшественника, где их скопилось 36 тюков!²⁴

Сама университетская жизнь начального этапа предопределила необходимость постоянного вмешательства попечителя и ... нарушения им тех или иных пунктов университетского устава. Об этом писал уже «идеальный попечитель» С. О. Потоцкий: «...ежели бы университет сохранил

²¹ *Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования...*, s. 126.

²² Там же, s. 59.

²³ Instrukcje dla kuratorów, patrz: J.W. Kaniejewowi - Д.И. Баралей, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 122-123; A. A. Perowskiemu od ministra A.S. Szyszkowa (там же, s. 146-148); A. A. Perowskiemu od ministra K.A. Liwena (Российский государственный исторический архив [dalej:- РГИА], zesp. 1021, inw. 1, sygn. 24).

²⁴ Д.И. Баралей, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 149.

бы в строгом смысле все правила, коими он должен руководствоваться в приеме слушателей..., он не имел бы ни одного студента»²⁵.

Реально мы видим осуществление «ручного управления». Все это (в том числе и упомянутая географическая удаленность попечителя и центральной власти) создавали условия для частных инспираций и влияний как элемента механизма управления. Д. И. Багалея считал, что таковые наблюдались при Карнеевых, Перовском, Филатьеве²⁶. Но, заметим, что они имели место и при Потоцком, и прочих попечителях. Таким доверенным лицом при Потоцком стал проф. А. Дегуров, которому особенно покровительствовал попечитель; З. Я. Карнеевым «руководили пронырливые люди и особенно секретарь его Подвысоцкий, который его именем распоряжался учебным округом»²⁷. А. А. Перовский «легко поддался постороннему влиянию»: управлял от его имени профессор математики и инспектор студентов Байков²⁸. Головкин многие полномочия передал помощнику попечителя Панину: «продолжайте управлять, – писал он ему, – ограничиваясь при этом в сношениях со мною только предметами, требующими моего разрешения или посредства для представления их высшему начальству»²⁹.

Во многом неопределенными были отношения попечителей с ректорами, что также повышало значение межличностных связей в механизме управления. При этом кто чьим был орудием (ректор или попечитель) спорный вопрос.

Возникает вопрос: а как в этих условиях функционировало университетское самоуправление и как него влияли попечители? Известно, что с 1811 года в правящих кругах наблюдается некоторое недоверие к широкой университетской автономии³⁰. Попечители, на первый взгляд, только и делали, что шли в фарватере такой политики. Так, попечитель З. Я. Карнеев хотел ввести в Харьковском университете должность директора и преобразовать Харьковский университет по инструкции Магницкого, но «эта мера не была одобрена начальством»³¹; попечитель Перовский, как писали историки, «не трогая устава 1804 года, в сущности упразднил основанную на нем автономию Харьковского университета»³². Но почему? Только ли под влиянием «иных» влияний в верхах (в настроениях Александра I)?

Во многом на такие настроения влияла ситуация в самих университетах. Борьба партий создавала неспокойную атмосферу, а иногда просто заводила в тупик (например, равное количество голосов при выборах ректора в 1823

²⁵ Tamże, cz. 1, s. 704.

²⁶ Tamże, cz. 2, s. 229.

²⁷ Tamże, s. 74.

²⁸ Tamże, s. 152.

²⁹ Tamże, cz. 2, s. 228.

³⁰ Tamże, cz. 1, s. 305.

³¹ Tamże, cz. 2, s. 116; *Переписка князя А. Н. Голицына с З. Я. Карнеевым*, „Русский архив“ 1893, № 5, s. 133.

³² *Краткий очерк истории Харьковского университета...*, s. 23.

году). Выход виделся в укреплении «вертикали власти». На функционирование университетского самоуправления влияло и состояние самой профессорской корпорации. Наблюдалась ситуация, когда в университете просто-напросто не было в достаточном количестве ординарных профессоров, чтобы нормально функционировали коллегиальные органы. Деканов не из кого было выбирать уже при З. Я. Карнееве³³. Попечитель Перовский писал министру: «...совет университета в действительности не существует и перенос дел в него из правления и комитета – один только пустой и бесполезный обряд, ибо те же самые профессора, которые за минуту перед этим составляли правление или комитет, не вставая со своих мест, по единому, так сказать, мановению ректора, делаются членами совета и утверждают собственные свои решения». Такое положение дел он называл «монополией, которая ныне в руках этих немногих лиц»³⁴. Он же предпринял попытки по своему изменить ситуацию, в частности, допустив экстраординарных профессоров к управлению университетом, фактически в нарушение устава.

Предложения по совершенствованию механизма управления со стороны власти были разные, но прежде всего предполагалось усиление государственного контроля. В основе такого подхода – взгляд на просвещение как на государственное дело. И это вполне соответствовало эпохе (в т.ч. эпохе «классического» университета). Как пишет А.Ю. Андреев: «Куратор. Эта должность являлась неотъемлемой чертой «модернизированного» ун-та, которому при взаимодействии с государством нужен был сильный покровитель, «ходатай» о нуждах...»³⁵.

Властные практики и традиции местного общества. И еще один сюжет, который нельзя обойти вниманием, когда речь идет о попечителях.

Некоторые авторы пишут о том, что попечительская служба часто была обычным «кормлением», наградой за предшествующую службу. Уже в связи с этим об уровне их компетентности и пользе для университета высказывается предвзятое мнение.

Однако следует учитывать, что существенное воздействие на властные практики оказывали традиции общества (представления о «начальстве» и формах его поведения). Очевидно то предпочтение, которое отдавалось высшей властью родовитым и состоятельным при назначении на должность попечителя. Но такой подход приветствовался и местным обществом, и даже университетом! Патриархальные отношения, которые особенно господствовали в местном обществе, предопределили соответствующий взгляд на попечителя (который, среди прочего, нашел отражение в стихах

³³ Tamże, s. 32.

³⁴ Д.И. Багалей, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 288–289.

³⁵ А.Ю. Андреев, *Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы*, Moskwa 2009, s. 257.

гимназиста, где есть такая фраза: «наш попечитель как отец»³⁶). Да и самих попечителей отличали патриархальные отношения к университету³⁷. Такие традиции в восприятии власти нельзя не заметить. Д. И. Багалея писал о том, что Потоцкий – сановитый и родовитый вельможа с независимыми средствами и убеждениями – имел огромное значение для университета, т.к. это возвышало его в глазах начальства и всего местного общества³⁸.

Со своей стороны, попечители (например, Е. В. Карнеев, А. А. Перовский) смотрели на университет и учебный округ как наместники, свято охраняя «свою» территорию. Об этом свидетельствует, в частности, конфликт попечителя с местными властями по поводу места профессоров в процессии за гробом Александра I³⁹, требования дополнительных привилегий для университета – освобождения не только от постоя, но и от городских повинностей⁴⁰, отстаивание университетских земель от притязаний со стороны местной власти. То есть, традиционно попечители характеризовались как олицетворение государственного начала, централизации и унификации, а в реальности многие попечители смотрели на университет как на «свой» и всячески оберегали и ограждали корпоративные права университетов. Министр С. С. Уваров в письме Николаю I отмечал по этому поводу: «Оптический обман имеет свое основание в провинциальных предубеждениях и обычае принимать умственно место своего пребывания за центр государства»⁴¹. Вообще, в данном случае уместно вспомнить о властных практиках соответствующей эпохи, которые предопределяли формы поведения «начальства» в целом.

Итак, на наш взгляд, можно сделать следующий вывод: попечители не «расшатывали» устав, не наносили «жестокие удары» по университету, а дополняли и развивали университетский проект на начальном этапе его реализации в рамках своего понимания и под воздействием различных факторов. Можно говорить об адаптации университетской идеи и на уровне попечителей. В последующем попечители все больше превращались в управленцев-профессионалов. На процесс эволюции функций и результативности деятельности попечителей влияло много факторов, без учета которых наш взгляд на роль попечителей учебных округов в истории будет оставаться предвзятым и односторонним. Отмеченные изменения, на наш взгляд, в значительной мере характеризуют ту эволюцию, которую прошла Российская империя в XIX – начале XX вв.

³⁶ Д.И. Багалея, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 893.

³⁷ Там же, s. 815.

³⁸ Там же, cz. 1, s. 209.

³⁹ *Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна за 200 років*, s. 79; Д.И. Багалея, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 150.

⁴⁰ РГИА, зesp. 733, inw. 49, sygn. 644, k. 1v.

⁴¹ Д.И. Багалея, *Опыт истории Харьковского университета...*, cz. 2, s. 204.

Summary

Sergey Posokhov

The Curators of Kharkov educational district XIX - early XX centuries.: structure, activity, assessment

In the history of pre-revolutionary Russian universities have played a prominent role Curators of educational districts. However, in the historiography of this role is assessed and evaluated highly controversial, especially for the first half of the nineteenth century. The author argues that the trustees are not "taking potshots" statute did not cause "cruel impact" of the university, as supplemented and developed the university project at the initial stage of its implementation within the framework of their understanding of and under the influence of various factors. Subsequently, Curators of are increasingly becoming managers and professionals at the evolution of the functions and effectiveness of Curators influenced by many factors.

Streszczenie

Siergiej Posochow

Kuratorowie Charkowskiego Okręgu Naukowego w XIX i na pocz. XX wieku: skład, działalność, oceny

W historii przedrewolucyjnych uniwersytetów rosyjskich ważną rolę odgrywali kuratorowie okręgów naukowych. Jednak w historiografii ta rola była i jest oceniana bardzo kontrowersyjnie, szczególnie dla pierwszej połowy XIX wieku. Autor dowodzi, że kuratorowie nie „rozbijali” statutów, nie wymierzali „okrutnych ciosów” uniwersytetowi, ale uzupełniali i rozwijali ideę uniwersytetu szczególnie w początkowym okresie jej realizacji. Oczywiście zachodziło w to w granicach ich pojmowania tej idei i pod wpływem różnorodnych okoliczności. Z czasem kuratorowie przekształcali się w profesjonalnych zarządców a na proces ewolucji ich funkcji i skuteczności także miało wpływ wiele okoliczności, które wymagają dalszych badań.